

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Слава ждал меня на веранде летнего кафе. Было еще не настолько тепло, чтобы завтракать на свежем воздухе, но приятель мужественно закутался в клетчатый плед и, наверное, полагал, что выглядит героически — как шотландский горец.

На самом деле он здорово смахивал на Черепаху из мультика про Львенка, потому что вдобавок к пледу в клетку нацепил большие черные очки.

— Эффектно выглядишь, — констатировала я, взбежав по скрипучим ступенькам на дощатый настил веранды и бухнув на один свободный стул свою сумку, на другой — непосредственно себя. — Привет, Славик! Ты нынче один, без свиты?

Я искательно огляделась, и прятавшийся за стеклянной дверью официант, неправильно поняв меня, тут же вышел на веранду.

Слава — главред краевого телеканала, широко известный в узких кругах деятель культуры, маэстро и мэтр, вокруг него всегда вьются телевизионные девушки и юноши.

— Мне не нужны свидетели моего позора, — мрачно сказал он и неприязненно зыркнул на подоспевшего официанта.

Тот, впрочем, всего лишь поставил передо мной креманку и чашку, вполголоса проворковал: «Меренги с грецким орехом, сливочным кремом и малиной, капучино без сахара», — и тут же удалился.

— Молодец. — Я похвалила Славу, который не ошибся с заказом для меня, и закинула в рот ягоду. — А о каком позоре речь?

— Мне заказали сценарий, — ответил старый приятель и бывший коллега так мрачно, словно ему заказали убийство любимой бабушки.

— И? — Я сунула в рот меренгу.

Идеально: сверху хрустящая, внутри мягкая, орехи порублены мелко, но не стерты в порошок.

— Платят пятьдесят тысяч, — все так же мрачно сообщил Слава.

— Ты не доволен гонораром? — не поняла я.

— Буду доволен, если получу его.

— Клиент не хочет платить?

— И клиент хочет, и я тоже... но никак не могу. — Слава тяжело вздохнул. Признание далось ему нелегко. — Хочешь десять тысяч?

— Смотря за что.

Чью-то любимую бабушку убивать точно не стану.

— За идею. Сценарий я сам напишу, режиссура и продакшн оплачиваются дополнительно, нужен только концепт. Но быстро! Желательно прямо сейчас. Дедлайн на носу, а все мои собственные идеи клиент отвергает.

— Такие плохие идеи или такой капризный клиент? — Я глотнула кофе.

Очень неплохой, хотя пена могла бы быть и поплотнее.

— Клиент непростой — Александр Иванович Шишов. — Критиковать свои же идеи Слава не стал.

— А! Мебельный король?

— Знаешь этого типа?

— Слышала что-то.

— А в курсе, что у него есть бзик? — Слава разгорячился и начал выпутываться из черепашого пледа. — Он фанатеет от Трои...

— От гомеровской «Илиады»? — удивилась я.

— От голливудского фильма! Считает себя новым воплощением Ахиллеса!

— Он что, похож на Брэда Питта?! — Вот теперь я заинтересовалась.

— Он похож на молодой картофель в мундире! Розовенький такой, крепенький, кругленький. — Слава откровенно досадовал. Было ясно, что лично у него Шишов кастинг на роль Ахиллеса нипочем не прошел бы. — Но готов запла-

тить полтос за сценарий короткого представления, причем все дополнительные расходы тоже берет на себя.

— Так в чем проблема-то?

— Это должно быть представление с ним-Ахиллесом в главной роли! Причем такое, чтобы зрители ахнули. Всего одна сцена, но впечатляющая.

— Финал истории, трагическая гибель, — предложила я. — Расстреляй его из луков! Ахнут все, включая хирургов. Они давненько не имели дело с проникающими ранениями стрелами.

— Нет, это травматично, такое нельзя. — Слава не принял шутку. — И бой Ахиллеса с Гектором тоже не предлагай, Шишов не владеет мечом.

— Как же так? Если он новое воплощение Ахиллеса...

— Какие-то погрешности реинкарнации, не иначе. На мечах он не бьется, на копьях тоже, вообще никаким воинским искусствам не обучен. И не слишком спортивен, так что ту сцену из фильма, в которой Ахиллес в высоком прыжке одним движением перерезает горло гиганту-противнику, тоже не предлагай, не подскочит наш колобок.

— М-да... — Я призадумалась. — С таким некондиционным Ахиллесом поди придумай что-то... А если массовое что-нибудь? Троянские лучники, греческая пехота, неприступные

стены крепости, на общем героическом фоне — наш тюфяк?

— Мы не успеем обучить статистов и не сможем построить крепость, забыл сказать: у нас площадка пять на пять метров под открытым небом, так что про массовку, профессиональный свет и габаритные декорации сразу забудь.

— Стоп, — из-за массы ограничений я тоже начала злиться. — Давай-ка с самого начала: где будет это представление? На лужайке перед особняком Шишова?

— Если бы! На фестивале «Фан фэнтези» в парке на Затоне, слышала о таком?

— Краем уха.

— Большая туса «толкнуток» и прочих стукнутых фанатов разных выдуманных вселенных, — объяснил Славик. — У каждой группы повернутых своя небольшая площадка с абсолютным минимумом оснащения, но с регламентом и расписанием представлений, чтобы зрители с удобством кочевали между мирами. А ты думала, будет легко? Было бы легко, я бы весь полтос себе оставил, тебе десятку не отщипнул.

— Так, дай подумать...

Я отодвинула креманку и чашку, поставила локти на стол и уткнула указательные пальцы в виски. Слава откинулся на стуле и неспешно допил свой кофе, с удовольствием наблюдая за моими творческими муками. Наконец он по-

ставил опустевшую чашку на стол, посмотрел на наручные часы и ворчливо сообщил:

— У меня еще пять минут, потом надо бежать.

— Придумала! — я сменила позу на более удобную и залпом допила свой остывший капучино. — Брисеида!

— Что — Брисеида?

— Решение нашей проблемы. — Я заглянула в креманку и, обнаружив в ней одинокую забытую меренгу, с удовольствием съела ее и продекламировала:

— Шествуйте, верные вестники, в сень
Ахиллеса Пелида;
За руки взяв, пред меня Брисеиду немедля
представьте...¹

— Это что ты цитируешь? — прищурился Слава.

— «Илиаду» Гомера, но, видимо, зря, ты же ее не читал.

Я вспомнила, что в университете он учился кое-как, лекции безбожно прогуливал, а сессии сдавал только благодаря хорошо подвешенному языку и шпаргалкам. Моим, кстати. Я гениальные шпаргалки писала — лаконичные и содержательные, как «Мене, текел, фарис».

¹ Гомер, «Илиада» (I, 318–325).

— Упрощу для лучшего понимания. В греческой мифологии Брисеида была женой Мина, царя Лирнесса. Великий ахейский герой Ахиллес разорил город Лирнесс, убил царя Мина и взял Брисеиду в плен, сделав своей любимой рабыней. Агамемнон захватил ее в плен во время одного из набегов на окрестности Трои и вернуть девушку отказался, хотя ее отец, жрец Аполлона, давал за дочь большой выкуп. Тогда Ахиллес собрал вождей ахейского войска и потребовал у Агамемнона, чтобы тот вернул Брисеиду ее отцу...

— Да не было такого! — перебил меня Слава. — В кино Брисеида — принцесса Трои и любовница Ахиллеса!

— Ты прав, в кино все было совсем не так. — Я спохватилась, что слишком увлеклась первоисточником. — Вот и сделайте, как в кино: Ахиллес забирает Брисеиду у захвативших ее воинов, ведет в свой шатер, и там они становятся любовниками. Шатер-то на площадке поместится?

— Шатер поместится. — Слава кивнул и потер ладони. — А это тема! Найдем фигуристую девку, подразденем ее в древнегреческом стиле, чтобы народ засмотрелся на прелести, и сместим фокус внимания с нашего недоделанного Ахиллеса... По зубыточине паре пьяных воинов он как-нибудь раздаст, они эффектно скопытятся, зрителям это понравится... А секс показывать не будем, у нас ограничение 16+, но намекнем на

бурную любовную сцену в шатре — потрясем его стены, пустим вздохи и стоны...

Я молча положила на стол руку ладонью вверх и с намеком пошевелила пальцами.

— Если заказчик одобрит идею — пришлю тебе деньги на карту, — совершенно правильно понял меня Слава и встал, эффектно скинув клетчатый плед — прям Ахиллес, сбрасывающий плащ перед решающим боем! — За твой кофе с десертом я заплатил, можешь не благодарить, приятно было увидеться...

— Хорошего дня! — пожелала я ему в спину, разумеется, имея в виду предстоящие переговоры с клиентом.

Спасибо советской родине, в универе я отучилась бесплатно, еще и повышенную стипендию получала, так что в образование свое инвестировала только время и силы, но все равно не отказалась бы конвертировать знание древнегреческой мифологии в десять тысяч современных российских рублей.

ГЛАВА 1

— Не звонили еще?

Ирка ввалилась в дверь, как медведь. Добычливый, не просто разоривший пасеку, а еще и прихвативший с собой пару ульев: под мышками подруга держала не то баулы, не то бочонки.

Мне помешал разглядеть ее ношу слепящий свет. На лестничной площадке напротив входной двери нашей квартиры расположено большое окно, которое уборщица утром отмыла до хрустального блеска, а солнце днем до краев наполнило его.

Бухнув на пол в прихожей предполагаемые ульи, «медведь» протопал ко мне в кухню и озабоченно повторил:

— Не звонили?

— Звонили. — Я кивнула и попробовала борщ в кастрюле.

Подруга шагнула к плите, отняла у меня ложку, тоже попробовала и безапелляционно заявила:

— Соли мало.

Я послушно добавила соли, помешала, снова попробовала, удовлетворенно кивнула, выключила газ и накрыла кастрюлю крышкой.

Борщ не едят с пылу с жару, он должен как следует настояться. Самый вкусный — вчерашний. «Учереяшний», говорят у нас на Кубани.

— И что сказали? — Подруга села за стол и помахала рукой, побуждая меня поторопиться и вовсе не претендуя на снятие пробы.

Она прекрасно знает местные кулинарные традиции и первая надавала бы мне по рукам, вздумай я разлить по тарелкам свежесваренный борщ.

Я включила чайник, поставила на стол початую коробку конфет.

— Не тяни! — рассердилась Ирка. — Я гнала как сумасшедшая, чтобы не опоздать! И что? Не успела?!

— На этот раз они объявились еще утром. — Я развела руками. — Что можно поделать? Попросить перезвонить часиков через пять?

— А почему нет?!

— Успокойся, так и сделала. — Я достала из шкафчика чашки. — Тебе чай или кофе?

— Мне каркаде. А они что?

— А они еще трижды перезванивали и возмущались моей безответственностью. Мол, как такое возможно — уклоняться от беседы со следователем из столичного управления. — Я плюхнула в кипяток пакетики с заваркой и переставила чашки на стол.

— А ты им сказала, что в нашей стране следственные действия с гражданами по телефону не проводятся? — Ирка развернула и закинула в рот шоколадную бомбошку.

— Нет, я им сказала: «Ой, погодите, мне как раз по другой линии из банка звонят, должно быть, хотят предупредить о телефонных мошенниках!»

— И это их отпугнуло? — подруга недоверчиво покрутила головой и окончательно успокоилась. — Наверняка ненадолго. Скоро опять позвонят.

— И не раз, — меланхолично согласилась я, разворачивая конфетку. — В прошлом месяце звонили четыре дня подряд. А в позапрошлом три.

— Угадывается система, — кивнула подруга и притопила ложкой разбухший пакетик.

Систему угадал бы даже наивный Буратино. Я таковой не была, поэтому быстро заметила: на следующий день после того, как я вношу в банк очередной ипотечный платеж, мне звонят телефонные мошенники. Прикидываясь то сотрудниками финансово-кредитных учреждений, то работниками правоохранительных органов, эти нехорошие люди пытаются выманить у меня ключи и пароли от счетов, где деньги лежат. Я им, конечно же, ничего такого не сообщаю, даже слово «да» никогда не произношу, чтобы жулики его не вырезали из записи разговора и не использовали для аутентификации по голосу.

Но свернуть разговор моментально не получается: мошенники очень настойчивы. Приходится проявлять изобретательность, чтобы как-то их отогнать.

Ирку это очень развлекает, она взялась вести хронику моих коммуникаций с телефонными мошенниками и старается не пропускать таких разговоров.

— Не понимаю, почему полиция не борется с этими жуликами, — посетовала подруга, мелкими глоточками прихлебывая горячий напиток. — Расплодились, точно крысы на помойке! Нормальным людям от них житья нет! Дурят доверчивых граждан без зазрения совести.

— При случае попеняй на это полковнику Лазарчуку, — предложила я и сменила тему: — А что у тебя там?

Я кивнула на коридор, вспомнив, что подруга явилась ко мне отягощенной не только морально, но и физически.

— В одной баклажке вода, в другой грязь. Мои тебе подарочки из Пятигорска. — Ирка подхватилась, убежала в прихожую и вернулась уже с «подарочками» в пятилитровых бутылках.

— Спасибо, конечно...

Я озадаченно посмотрела на немаленькие сувениры.

— Воду выпьете, грязью будешь намазываться. Отличная грязь! — Подруга ногой подпихнула ко мне баклажку, по самую крышку на-

полненную черной и маслянистой, как нефть, массой. — Прямоком из Томбуктанского озера!

— Тамбуканского, — машинально поправила я. — Томбукту — это в Африке, там ты еще не была. Слушай, а как у тебя получилось набить этой грязью такую большую емкость с узким горлышком? Она же очень густая.

— Я старалась, — обиженно ответила подруга. — Битый час возилась, пока три баклаги наполнила.

— Три? — ужаснулась я.

Тамбуканская грязь, если кто не знает, чемпион по укывистости и расходу средства на единицу площади. Одной пригоршни этой вязкой черной массы вполне достаточно, чтобы превратить в дядю Тома здорового высоченного мужика вроде моего супруга. Мне с достаточно скромными габаритами хватает и пары столовых ложек, причем негритянка из меня получается на диво убедительная. В Томбукту запросто приняли бы за свою.

— Одна мне, вторая тебе, а третья нашим мадамам, — обосновала свою запасливость Ирка.

Наши мадамы — это моя тетушка Ида и ее подруга Марфинька, интеллигентные питерские старушки, благодаря которым Ирка и открыла для себя Пятигорск с его водами и грязями.

Мадамы завели обыкновение зимовать на курорте, спасаясь от гололеда и сосуль любимой Северной столицы. Раньше-то они в Бад-Вильдбад

и Баден-Баден усвистывали, а теперь вынуждены ограничиваться просторами родной страны, но нисколько этим не огорчаются. И рассказывают о своей курортной жизни так увлекательно, что Ирка не выдержала и недавно свозила в Кавминводы все свое семейство. Нас с собой тоже звала, но мы отговорились тем, что любим бывать в Пятигорске в феврале, когда контраст между горячими природными ваннами и окрестными заснеженными горами наиболее впечатляет.

— Пяти литров грязи мне хватит, чтобы обмазаться с ног до головы раз сто, — прикинула я.

— Пять литров — это объем посуды, а грязи в ней почти семь кило! — подруга набила цену своему подарку.

— Три года мазаться, если хотя бы раз в неделю, — подсчитала я без восторга.

Тамбуканскую грязь, чтобы вы знали, очень трудно отмыть. А пачкает она все вокруг огого как!

— Понимаю, о чем ты, — нисколько не обидевшись, усмехнулась подруга. — Сама не хочу развозить грязь в своей чистой ванной. Именно поэтому я здесь!

— Чтобы развозить грязь в моей чистой ванной?!

— Без паники! Я нашла другое решение! — Ирка устремила выразительный взгляд за окно. — Какая сегодня погодка-то, а? Небо ясное, солнце яркое, максимальная температура

воздуха по прогнозу будет плюс двадцать четыре! В пятнадцать часов, — она озабоченно посмотрела на свой наручный хронометр. — То есть через пятьдесят минут. Собирайся, а то пропустим самое тепло.

— Мы идем гулять? — не поняла я.

— Не гулять, а принимать процедуры! — подняла палец затейница. — Намажемся полезной грязью на пляже у реки, там в будний день в апреле пусто, нам никто не помешает.

— А мыться как?

— Вчерне — речной водичкой, она проточная, и ее много, а потом из баклажек ополоснемся, у меня в багажнике двадцать литров водопроводной воды, — похвасталась подруга. — Комнатной температуры, правда, но мы выставим ее на солнце, она и нагреется.

Сочтя, что все уже сказано и решено, она топала в прихожую, на ходу напевая что-то собственноручного сочинения:

— Кто гуляет у реки...

— Это мы — грязевики, — мрачно подсказала я идеальную рифму.

Но возражать против смелого плана не рискнула, чтобы не подвергнуть опасности тотального загрязнения свою чистую ванную комнату.

Девочкой она даже любила свое имя. Зина, Зиночка — звучало тонко, звонко, задиристо, как свист шпаги, а про отважных мушкетеров

она читала взахлеб. И была очень разочарована, когда д'Артаньяна в кино сыграл Боярский, совсем не похожий на бравого гасконца из ее девичьих грез.

Сама она, впрочем, тоже не походила ни на Миледи, ни на Констанцию. Разве что на простушку Кэтти, хотя и та была поизящнее.

Зине не то чтобы не повезло с внешностью — девушка она была видная, многим мужчинам нравилась, вот только в пару ей подходил не каждый. Вертлявый задохлик д'Артаньян-Боярский рядом с ней смотрелся бы комично. Зина-то и повыше была, и покрепче, с широкой костью — крестьянской породы, горделиво говорил ее батя. Тот искренне полагал эталоном женской красоты дородную бабу, способную на скаку остановить коня, а лучше двух.

С конями Зина и вправду имела дело: девчонкой вместе с другими деревенскими детьми ходила в ночное, пасла колхозных лошадей — зарабатывала копеечку. Прочих многочисленных сельских работ тоже никогда не чуралась, отчего становилась только крепче. Когда после школы поехала в город поступать в ВУЗ, сразу же привлекла внимание тренера институтской спортивной команды. Толкала ядро! Даже несколько медалей на соревнованиях получила. Но студенческие годы вспоминать не любила, потому что именно тогда совершила свою первую большую ошибку.

Та звалась Егором и имела вид здорового плечистого парня, похожего на рыжего бычка. Зина и сама не поняла, любовь у них была или так, мимолетная симпатия, — Егор исчез внезапно и навсегда, а она осталась с незаконнорожденным сыном на руках. Чуть не вылетела из института: пришлось взять академ и на год вернуться к бате с мамкой в деревню.

Но Зина всегда была упорной и изо всех сил толкала свою жизнь вперед, как то ядро. Едва малыш Егорка перешел с мамкиного грудного молока на бабкины каши и щи, она вернулась в институт доучиваться. Сумела устроиться в общежитие для аспирантов, а там познакомилась с Геной — своей второй большой ошибкой.

Гена был и хорош, и пригож: высокий, красивый, умный — писал кандидатскую. Зина взяла его в оборот и остановила, как того коня на скаку: вообще-то сначала Гена ухаживал за ее соседкой по комнате. Той пришлось подвинуться — законной супругой подающего надежды ученого-физика стала Зина.

Надежды физик не оправдал. Нобелевку не получил, академиком не сделался и даже за границу уехать не сподобился, хотя в период развала СССР многие его коллеги благополучно утекли кто в Америку, кто в Канаду, где неплохо устроились. И муж из Гены получился так себе — не самый верный. А вот отец он был неплохой, но только не для маленького Егорки — того Гена не принял.

Ему Зина своих деток аж трех родила, пришлось Егорке расти с дедом и бабкой. А старики попи-вали, внук постепенно тоже к этому делу пристра-стился, по пьяному делу обнес с дружками какой-то киоск, получил срок. Вышел — не мог найти нормальную работу, горевал и выпивал... Чуть за тридцать парню было, когда он в петлю полез.

Зина вину свою не сразу в полной мере ощу-тила. Говорила себе: не уследила, да, а как могла, когда он там, в деревне, а она тут, с мужем и еще тремя детьми? Хотя их с Геной старший к тому времени уже уехал из дома, женился и жил сам по себе, внимания и помощи не просил. Да и второй сын в родительской заботе не нуждался: еще на первом курсе института отселился, начал свой биз-нес и благополучно справлялся со своими делами. Одна только младшая, доченька-принцесса, оста-валась с родителями, и вот она-то, что называется, давала стране угля. Причем в таком количестве, что мама с папой только и успевали разгрести за-валы проблем. Когда Зине было о Егоре печься?

Но годы шли. Гена от жены ушел, дочь-принцесса потянулась за папой, который ее веч-но баловал, и Зина осталась одна. Поначалу ей это даже нравилось: в доме тишина, покой, ни о ком не надо заботиться — красота! А со време-нем сделалось неуютно. Особенно ночью, когда совсем тихо в доме, только ходики тикают, не-умолимо время отсчитывают — тик-так, Зина, тик-так, скоро тебе в гроб ложиться!

Так на старости лет она и разлюбила не только тишину и покой, но и собственное имя. Баба Зина — это совсем не изящно звучало, а смешно и нелепо. Назвали бы ее батя с мамкой, скажем, Стеллой или Марианной, никто бы к ее имени не приделал обидное «баба»! Никак такого не могло быть — баба Стелла, баба Марианна... Да только куда им, они и имен таких отродясь не слыхивали, а латиноамериканские сериалы позже появились, когда Зина совсем взрослой была.

— А ты смени имя, — похохатывая, советовала соседка Людка, за неимением других близких ставшая Зине почти подругой. — Пойди в паспортный стол и скажи: так, мол, и так, хочу быть не Зинаидой, а владычицей морской! Как Русалочка из мультика зваться желаю — Ариэль!

— Это стиральный порошок, — бурчала Зина.

В подаче насмешницы Людки неплохая, в общем-то, идея поменять имя в паспорте звучала глупо.

— Тогда Элеонора, — предлагала та. — Или, чего уж там, давай сразу — Клеопатра! Баба Клеопатра — такое ни у кого язык не повернется сказать, будешь чувствовать себя вечной молодухой. Как в анекдоте, знаешь? «Девочка, барышня, девушка, молодая женщина, молодая женщина, молодая женщина, бабушка умерла».

— Тьфу на тебя, дура, — сердилась Зина и гнала подругу за порог — домой, к сопливым внукам и квашне с тестом для пирогов.

Умирать ей не хотелось. Ни бабушкой, ни молодой женщиной. А сердце уже давило, давление скакало, ноги то гудели, то отнимались — почти семьдесят лет, еще чуть-чуть — и жизни конец.

А что потом? Если правду говорят, что на том свете всех нас ждут близкие, как она Егорке в глаза посмотрит? Чем оправдается за то, что бросила его на произвол судьбы?

Тут ей никто не мог помочь толковым советом, даже Людка только руками развела — мол, Бог рассудит.

И пошла Зина с этим к Богу. В церковь, к батюшке. Послушала его, подумала да и нашла способ загладить свой грех.

— Ризу святому Георгию слажу и оклад на икону, — решила она.

Поделилась с подругой:

— Как помирать соберусь, отнесу в храм свои кольца.

— А ты по плану помирать будешь? — язва Людка удивилась. — Сегодня в храм с кольцами, завтра в гроб в белых тапках? А ежели не успеешь, не та выйдет последовательность?

— Успею, — заверила ее Зина.

Хоть и решила она, что золото не сыновьям и дочке завещает, а церкви пожертвует, расставаться со своим богатством раньше времени не спешила.

Зина копила его почти полвека. Как вышла за Гену, так и стала каждую свободную копейку

откладывает. Потихонечку, полегонечку наполняла копилочку, а потом шла в ювелирный и покупала там золотое колечко. Не для того, чтобы украшать себя, а на старости лет не остаться без средств к существованию.

Крестьянская мудрость и жизненный опыт подсказывали ей — банкам доверять нельзя.

Нехитрая Зинина инвестиционная стратегия вроде бы оправдалась. По колечку, по колечку — и набралась у нее почти за полвека увесистая связка золотых «баранок».

Зина кольца-то сначала на шнурок, а потом на прочный стальной тросик нанизывала. У внука позаимствовала — тот таким устройством с замочком свой велик на улице пристегивал, чтобы не угнали.

Кольца были гладкие, без камней и узоров — самые простые обручальные. Зина нарочно такие брала, чтобы за работу не переплачивать: в ее представлении ценность имел исключительно драгметалл. В ювелирном изделии обычной для советских времен 585-й пробы содержание чистого металла было достаточно высоким. Зина разузнала, прикинула: ныне ее кольца в скупке тянули примерно на миллион рублей. Четыреста семьдесят два грамма золота!

Точный вес своего золотишка Зина знала, потому что магазинные ярлычки с приобретенных изделий никогда не снимала. Так и навешивала кольца на тросик вместе с опломбированными

бумажками. В этом было некоторое неудобство: ниточки так и норовили запутаться, и Зина время от времени аккуратно разбирала их. Заодно полировала мягкой тряпочкой и пересчитывала кольца, хотя прекрасно знала, сколько их у нее: сто восемь. Жаль, до ровного счета не дотянула, перестала инвестировать — на одну пенсию золотишка не накопишь.

Сама собой у нее сложилась новая традиция. Раньше Зина регулярно ходила в ювелирный салон за очередным кольцом, а теперь она с неизменной периодичностью приводила в порядок свои сокровища.

Раз в месяц, точно в день рождения Егорки, вину перед которым Зина и надеялась искупить накопленным золотишком, доставала она из надежного места кольца и садилась с ними у окна за стол, накрытый мягким резиновым ковриком.

Брала ватный диск, мазала его старой губной помадой — отличное полировочное средство, чтобы убрать потертости и царапинки, если кто не знает, и...

С грохотом и звоном разбилось оконное стекло! Осколки полетели и на подоконник, и на придвинутый к нему стол, и прямо в Зину!

Она зажмурилась, отшатнулась. Стул не удержался — упал, она сильно ударилась спиной и затылком, но, конечно же, не залежалась на полу — не из таких крестьянская баба, которая и коня остановит.

Не обращая внимания на боль в спине и кровавую каплю, затекшую в глаз — похоже, лоб порезало стекляшкой, — Зина неловко, как черепаха, перевернулась на живот и на коленах, раздирая чулки об осколки, подползла к столу.

Уцепилась за столешницу, подтянулась, поднялась...

И успела заметить чернокожую лапу, одним рывком утянувшую в оконный проем все ее богатство — сто восемь золотых обручальных колец на стальном велосипедном тросике!

Место, как выяснилось, Ирка выбрала заранее. Присмотрела, когда мы большой компанией друзей ходили к реке на шашлыки.

Теперь только порадовалась:

— Ты смотри, тут и очаг наш еще цел! Прекрасно, быстро сладим костерок. Насобирай-ка мелких палочек для розжига.

— Зачем нам костерок? — я оглядела песчаную отмель, обнажившуюся из-за того, что за зиму река сильно обмелела. — Тут и так тепло.

Прогноз не подвел, яркое солнце на ясном небе пекло почти по-летнему, воздух прогрелся даже поболее, чем до обещанных +24. И ветер, который исправно мел городские улицы, у реки не чувствовался — от него нас закрывали стена высокого берега, старые ивы и густые заросли сухих камышей.

— А грязь подогреть? — напомнила Ирка и повернулась, чтобы открыть багажник. — Ее наносят теплой, оптимальная температура — сорок градусов.

— Можно было ее дома нагреть и привезти в термосе, — проворчала я.

Ирка замерла, пораженная гениальностью этой мысли и огорченная ее же несвоевременностью:

— Могла бы и раньше сказать! — но тут же обрела обычную невозмутимую деловитость: — В следующий раз так и сделаем, а пока обойдемся костерком. Бери баклажку с водой, тащи ее на берег, потом вернешься за следующей.

Я с тоской оглядела содержимое багажника: четыре пятилитровых бутылки с водой, аккуратная вязанка дров, туристический коврик-пенка в рулоне, махровые полотенца в стопке, еще какой-то пухлый пакет... Таскать нам — не перетаскать.

Может, надо было пожертвовать своей чистой ванной?

— Не стой, упустим самое тепло! — Ирка сунула мне в руки баклажку, под тяжестью которой меня сразу же перекосило. — Складируем все у нашего старого очага, там идеальное место для бивака. Сверху нас видно не будет, а по реке никто теперь не плавает.

— Зато с другого берега Кубани мы будем как на ладони, — напомнила я, но дальше спорить не

стала, спеша избавиться от оттягивающей руку баклажки.

— На другом берегу многоэтажный долгострой, там пока что как на Марсе — никакой жизни нет. — Подруга догнала меня на крутом спуске, промчалась мимо с ветерком и дровами, чуть не царапнув по ноге суковатым поленом. — Но если и увидит нас кто-то здесь, что такого? В грязи мы будем совершенно неузнаваемы.

— Загадочные люди в черном, — кивнула я, с кряхтеньем опуская на белый песочек свою увесистую ношу.

— Леди в черном! — хихикнула Ирка. И не позволила мне постоять, отдыхая. — Эй, эй, без перекуров, пожалуйста! Давай-ка живо все сюда перенесем, чтобы я закрыла багажник.

Под чутким руководством подруги, привыкшей командовать тремя богатырями — сыновьями и мужем, с подготовительным этапом мы управились быстро.

Уже через четверть часа бутылки с водой, дрова и прочее необходимое снаряжение были перенесены на бережок. Я с чувством честно исполненного долга уселась на развернутой пенке, а Ирка склонилась над очагом, разжигая огонь.

Поскольку именно я, пройдясь под ивушками в низком приседе, собрала мелкие сухие палочки для розжига, никакой вины за то, что отдыхаю, пока подруга трудится, не ощущала.

Попыхтев и запалив костер, Ирка сунула прямо в огонь котелок с водой, в которую опустила стеклянную банку с грязью. На водяной бане та быстро нагрелась до нужной температуры, и вскоре можно было приступать непосредственно к процедуре.

— Смушенье прочь, снимаем все, потому как под грязью все равно ничего не видно будет, а белье, если оно испачкается, потом не отстираешь, — непререкаемым тоном распорядилась подруга. — И не тяни, мажься быстро, пока грязь не остыла!

— А с волосами как? — я в сильном сомнении посмотрела на протянутую мне склянку с грязюкой.

— В идеале, конечно, надо бы и голову намазать, тамбуканская грязь очень полезна для укрепления и роста волос, но их мы тут потом не промоем, — с сожалением признала Ирка и полезла в свою сумку-самобранку. — Держи.

— Это пакет для мусора? — я двумя пальчиками взяла лоскут черного полиэтилена.

— Сейчас это купальная шапочка.

— Грязевальная, — съязвила я, но покорно упаковала свой скальп в мусорный пакет, предварительно скрутив русый хвост в тугую «гульку».

Ирка не без труда — ее рыжая шевелюра гораздо пышнее моей — сделала то же самое, и мы

в четыре руки, помогая друг другу, проворно намазались прославленной тамбуканской грязью.

— Ну красота же! — весело восхитилась Ирка, оглядев меня на предмет обнаружения возможных пробелов и дефектов покраски. Я ответно оценила ее новый экстерьер.

Из стокилограммовой подруги получилась совершенно роскошная Большая Черная Мамушка. Я на ее фоне терялась, годясь разве что на эпизодическую роль негритенка с опахалом, зато песенка про Чунга-Чангу в моем исполнении прозвучала особенно органично.

Потом мы немного поскакали по песочку, по мере сил и таланта изображая африканские пляски, а затем Ирка вдруг шикнула, приложив черный палец к красным губам:

— Тихо!

— «Тихо, тихо, слышите, вы слышите, рыдают? Я клянусь вам светом солнца и луны, это плачут тигры, львы и попугаи, крокодилы, баобабы и слоны», — подхватила я, решив, что подруга решила продолжить вокальный номер нашего знойного дуэта песенкой негритенка из старого советского кинофильма «Проданный смех». — «Змеи грустные из нор не вылезают, обезьяны на бананы не глядят, зебры плачут черно-белыми слезами и кокосовых орехов не едят...»¹

¹ «Это Африка не может без меня» — музыка Максима Дунаевского, слова Леонида Дербенева.